

Ирма Ивановна Муллонен
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ИСТОРИИ КАРЕЛИИ*

Обращение к топонимам как надежному источнику реконструкции этнических и культурных процессов, происходивших в прошлом, имеет давние и прочные традиции. «Язык земли», как образно называл географические названия русский ученый Н. И. Надеждин, востребован и в исследовании этнического прошлого территории Русского Севера. Уже в ранних публикациях отмечается многослойность топонимии северных территорий как свидетельство многоэтапности освоения региона. Наиболее убедительных результатов в исследовании субстратной топонимии территории Русского Севера достигла, безусловно, уральская топонимическая школа во главе с А. К. Матвеевым [Матвеев 2001–2007]. Свои наработки, связанные с топонимическим ландшафтом примыкающих к Русскому Северу территорий Обонежья, Поморья и Приладожья, предложены карельскими исследователями [например, Муллонен 2002, Kuzmin 2014]. Интересные и чрезвычайно перспективные для дальнейшего исследования результаты достигнуты в последнее время финляндскими топонимистами.

В силу объемности материала и обширности самой проблемы внимание сосредоточено на ключевых особенностях методики топонимического исследования проблем этноязыковой истории территории, а также некоторых результатах анализа субстратной топонимии Карелии и западных районов Русского Севера, включая Поонежье и Белозерье.

Этнолингвистический потенциал топонимии базируется на целом ряде объективно присущих ей особенностей. Массовость топонимического материала позволяет оперировать большими количествами названий, что выгодно характеризует топонимию на фоне отрывочных и в массе своей поздних письменных источников или этнически плохо интерпретируемых и к тому же обычно неполных, отрывочных археологических свидетельств. Далее, исключительную ценность представляет привязка топонимов и топонимных типов к определенному времени и определенной территории. По мере углубления ономастических исследований становилось ясно, что топонимия является элементом системы, предполагающей образование географических названий по моделям, характеризующимся хронологической и географической приуроченностью. Определенные топонимные модели продуктивны определенное время, и это дает исходную возможность к поиску хронологических рамок бытования той или иной топонимной модели. Исходя из того, что ойконимы *-l*-ового типа (*Rahkoil*, *Ozroil*, *Vingl*) в вепском ареале функционируют практически исключительно как названия, образованные от нехристианских имен, есть основания полагать, что модель рано утратила здесь свою продуктивность. Если к этому добавить, что в большинстве случаев это названия гнезд поселений, при этом ареал распространения модели в значительной степени накладывается на ареал средневековых приладожских курганов X–XIII вв., то относительная хронология модели может приблизиться к абсолютной, а выявление полного ареала топонимов,

* Статья подготовлена в рамках выполнения проектов РГНФ 14-04-00243 «Топонимические модели Карелии в пространственно-временном контексте» и 15-04-00063 «Формирование диалектных ареалов вепского языка».

образованных по искомой модели, позволяет уточнять предполагаемые границы археологического ареала.

Далее, чрезвычайно ценным в связи с возможностью функционирования топонима как адреса даже после утраты создавшего его языка является то, что в топонимических системах тех территорий, на которых происходило или происходит языковое контактирование, присутствуют топонимы иноязычного происхождения. Именно они являются одним из наиболее существенных источников этноязыковой информации. Язык происхождения топонимов традиционно использовался в истории ономастики для решения этногенетических проблем. Современное исследование в данном направлении выработало целый ряд методов анализа субстратной топонимии, обеспечивающих большую надежность этимологической интерпретации [например, Матвеев 1986], а также осознало необходимость выявления принципов усвоения иноязычной топонимии топонимической системой-преемником. Без этих систематизирующих знаний этимологическое исследование лишается необходимого каркаса в виде закономерностей языкового взаимодействия контактирующих топонимических систем.

Ценность топонимии как этноисторического источника вытекает из того, что топоним при происхождении мотивирован, а слово, положенное в основу названия, отражает определенный признак, качество названного объекта. При этом выбор признака, отраженного в названии, определяется уровнем общественно-исторического развития того коллектива, который создает топонимическую систему. При кажущемся разнообразии топонимов на самом деле набор их достаточно ограничен. Выявляется множество повторяющихся топонимов, причем чем шире территориальные границы привлекаемого материала, тем больше повторений. В рамках единой культуры, сходных естественно-географических условий представления людей об окружающем мире в основных, определяющих чертах едины. А это значит, что создается психологическая предпосылка для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве мотива номинации на разных участках территории. Замечено, например, что названия, которые даются народом, находившимся в момент номинации на более низком уровне общественных отношений, нередко нагляднее и образнее, а топонимы, указывающие на какие-то события, связаны в большей степени с кочевым бытом, чем с земледельческим. Установление частнособственнических отношений повлекло за собой появление наименований, указывающих на имя владельца или его социальное положение. Анализ типовых основ вепсской топонимии характеризует ее как имеющую утилитарную направленность. Вепсская топонимия достаточно последовательно отражает то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения. Основной пафос номинации – географическая реальность как объект хозяйственного использования. В соответствии с этим одни объекты ландшафта получают названия, другие – нет. В регионе вепсского Межозерья мало безымянных водоемов: даже те из них, что располагались в глубинах лесов, далеко от поселений, были функциональны в качестве, например, водных дорог или мест рыбалки. В то же время огромные лесные массивы не имеют особых названий: очевидно, нужды населения обеспечивались лесами, прилегающими к поселению. К тому же леса, находившиеся во владении казны, были во многом недоступны для местных крестьян. Возвышенные участки рельефа (горки, холмы, кряжи) – в силу того, что к ним привязываются и поселения, и сельскохозяйственные угодья – интересуют вепсскую топонимию значительно больше, чем низинный рельеф. Из всего многообразия мира флоры в топонимии закрепились, прежде всего, те ее представители, которые имеют определенную практическую ценность для человека. Как-нибудь неприметная вахта (вепс. *vehk*) оказывается для топонимии значительно важнее многих прочих растений, ибо она находила широкое применение в жизни местного населения. Ее использовали в народной медицине, корень ее в голодные годы добавляли в хлеб. Именно этим обусловлены многочисленные *Вехкозера* и *Вехкручи* на вепсской и смежной обрусевшей территории. Топооснова *vehk*- входит в число четырех самых частотных вепсских топонимических основ из мира флоры. Такая утилитарная направленность вепсской топонимии продиктована, очевидно, производящим характером культуры вепсского населения. Сельское хозяйство – основа экономики, и этим определяется во многом взгляд на окружающий мир.

С другой стороны, выбор признака, положенного в основу географического названия, диктуется не только уровнем социального развития и экономическими приоритетами общества. Использование топонимии в целях этноисторических исследований должно опираться на знание закономерностей оноимической номинации, на то, что отражение реального мира и реальных отношений преломляется через призму топонимической системы как определенно-организирующего начала образования и функционирования географических названий. Должно учитываться, что основная функция названия – адресная. Топоним идентифицирует объект, отличает его от ряда подобных, а не описывает его свойства. Поэтому при акте номинации приходится принимать во внимание окружающую топонимию, особенно названия объектов одного разряда, и отказываться от тех возможностей называния, которые уже реализованы. В противном случае адресность не будет выполняться. Это не значит, однако, что за основу номинации может быть взят некий нереальный, несуществующий признак. Выбор признака будет осуществлен в рамках реальных особенностей географического объекта. Это означает, что единый для ряда географических объектов одного рода признак редко кладется в основу номинации.

Выбор признака объекта, отраженного в топониме, обусловлен, таким образом, рядом обстоятельств (в том числе человеческий фактор, временной фактор, природные особенности), среди которых важная роль принадлежит закономерностям ономастической системы. Носитель языка вместе с языком усваивает и систему окружающих его топонимов. Последняя становится для него моделью, когда он сам оказывается перед необходимостью имятворчества, т. е. вынужден присваивать имена географическим объектам.

Существование таких моделей оказывается чрезвычайно ценным для этнолингвистических изысканий, поскольку часть их имеет достаточно четко очерченные ареалы, формирование которых может быть увязано с экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, границ и т. д. В ходе освоения новой территории люди, естественно, опирались на ту систему топонимов, которая была им известна, и в рамках ее присваивали имена во вновь освоенном ареале. Использовались те же структурные модели (например, набор суффиксов), те же семантические и лексические типы (к примеру, модели метафорических топонимов типа *Железные Ворота* или *Kukoinhaŕj*, букв. ‘петушиный гребень’), которые были известны и на материнской территории.

Для исследования истории заселения наиболее продуктивно использование моделей, которые характеризуются хронологической и географической приуроченностью, т. е. они были популярны лишь в какой-то ограниченный промежуток времени или представляли топонимическую систему определенной локальной группы населения. В этом случае их ареал не размыт и поддается интерпретации. Использование ареального или, иначе, типологическо-географического метода, основанного на этнолингвистической интерпретации ареалов бытования отдельных топонимных типов, позволило в последние годы значительно продвинуться в понимании происходивших в прошлом (отдаленном и не столь отдаленном) на территории Европейского северо-запада этноисторических процессов. В статье предложены некоторые результаты этой работы. При этом внимание сосредоточено на процессах, происходивших в Карелии и прилегающей к ней с востока территории Обонежья и Белозерья.

Карельское наследие на этноязыковой карте территории представляет собой верхний нерусский слой многослойной топонимии. Археологические свидетельства надежно привязывают формирование карельского этноса на рубеже I–II тысячелетий н. э. к территории Северо-Западного Приладожья [Кочкуркина 2012], которая обладала рядом природно-климатических и ландшафтно-географических особенностей, предопределивших образование этой «колыбели» (по Д. В. Бубриху) карельского этноса. Среди последних – система водно-волоковых путей, обеспечивавших выход в Приботнию и на Финский залив. Исключительную роль в формировании карельского этноса сыграла т. н. ладожская регрессия, связанная с подъемом суши и, соответственно, понижением уровня воды у северного побережья озера. Отступившая вода освободила плодородные ложбины, которые были позднее превращены в сельскохозяйственные угодья и сыграли выдающуюся роль в формировании карель-

ского этноса и становлении системы его расселения. Здесь, на берегах заливов с плодородной почвой, на рубеже I и II тысячелетий образуется исключительно устойчивая во времени система поселений. Показательно, что ключевые места старинной карты поселений, сформировавшейся еще на древнекарельском этапе освоения территории и маркированной крепостями, оставались неизменными на протяжении многих столетий, несмотря на перипетии истории. Деревни, зафиксированные в Писцовой книге Водской пятины 1500 г. – наиболее полным и раннем письменном источнике, описывающем территорию Карельского Приладожья, повторены на шведской карте XVII века и благополучно дожили до середины XX в. При этом в источнике 1500 г. большинство поселений является разросшимися многодворными образованиями, что свидетельствует об их появлении в более раннее время. Дополнительным обстоятельством формирования традиционной карельской системы расселения, приуроченной к озерным заливам, была предоставляемая ландшафтом возможность организации их защиты от нападений с помощью системы укреплений, крепостей, располагавшихся на возвышенных участках побережий или островах, запиравших вход в залив.

Современная диалектная карта карельского языка охватывает значительно более обширную территорию, чем та, которая реконструируется в Приладожье к началу II тыс. Она формировалась в ходе неоднократных волн переселения карелов из Приладожья, вначале как промысловое освоение, а затем и оседлое заселение в XIII–XVIII вв. Особую роль в процессе переселения карелов в Карелию и далее на юго-восток сыграло, как известно, многовековое русско-шведское противостояние, превратившее на многие столетия коренные карельские территории в поле боевых действий.

Приток карельского населения на восток происходит особенно активно в XVII веке из попавшего под власть Швеции в 1617 году Карельского уезда. Карелы уходят из родных мест в Северном Приладожье, и именно в это время Карелия становится по-настоящему карельской. При этом с целью скрыть перебежчиков от шведских властей воеводе поручалось отсылать их из пограничных уездов к Москве, на Белоозеро, на Вологду и в другие отдаленные от границы места. Карелы селились в монастырских владениях Белозерского края и Двинского уезда, уже в 20-х годах XVII века они встречаются во владениях Соловецкого монастыря в Каргопольском уезде. Значительное количество переселенцев жило в отдаленном северном Антониево-Сийском монастыре и на его землях по Северной Двине.

Привлечение топонимического материала позволяет очертить широкий ареал карельского расселения к востоку от Онежского озера, на территории Русского Севера. Показательны в этом отношении топонимы с этнической основой Карел- / Корел-: *Кореловщина, Корелка, Карелин лес, Карельский ручей, Карельское озеро, Карельские острова, Карельщина, Корельский островок, Корелово, Карелы, Карельский Конец, Корелова гора, Карельская деревня, Подкарельская деревня, Корельский бор, села Большекорельское и Малокорельское* и др. Речь, как правило, идет о микротопонимах – наименованиях незначительных по размерам и социально малозначимых объектах, и хорошая их сохранность должна быть увязана с их относительно молодым возрастом. Ареал топоосновы тянется от Восточного Обонежья до бассейна Северной Двины. Как правило, топонимы этого типа маркируют большие или меньшие очаги карельских переселенцев XVII века на территории, занятой русским, в некоторых случаях – вепским населением. Обрусев, сменив этническое самосознание с карельского на русское, карельские мигранты сохранили память о себе в традиционной культуре и языке этой обширной территории.

Карелы расселялись дисперсно, подсекаясь в уже бытовавшие поселения или образуя новые. «Карельскость» проявляется в определенных очагах, но не покрывает территорию равномерно. В качестве примера такого очага приведу куст поселений Фоймогуба в Заонежье. По ПКОП XVI века известно [ПКОП: 147], что в это время здесь появляется несколько новых семей («вновь прибывшие»), при этом родовые патронимы (еще не фамилии) их позволяют утверждать, что они являются карельскими выходцами, и их появление в глубь Заонежского полуострова вызвано нестабильностью обстановки на Карельском перешейке в связи с русско-шведскими войнами: Кипр Иванов *Кярзин* (карел. *kärzä* ‘рыло; некрасивое

лицо'), Ушак *Пекуев* (Pekoi, Pekui – карельский вариант русского календарного мужского имени Петр), братья Манулко и Иванко *Патракеевы* (Патракей по-карельски – Patro, Patroi – именно этот карельский оригинал закрепился в названии деревни Патрово в Фоймогубе), Якимко Яковлев *Лонаков* (с карельским прозвищным патронимом, происхождение которого не вполне ясно). Упомянутые в документе исторические персонажи сохранили память о себе в названиях деревень, ими основанных в местности Фоймогуба: *Кярзино, Пековка, Патрово, Лонаково*. Возник, таким образом, карельский очаг в центре к тому времени уже русского Заонежского полуострова.

«Кореляне», судя по нашим материалам, продвигались на восток, на территорию Русского Севера, разными путями, которые возможно реконструировать, применяя ареальный анализ дистрибутирующих карельских топонимных основ. Так, ареал метафорической карельской топоосновы *Kuadie-*, присущей наименованиям небольших по размерам озер, заливов, формой напоминающих штаны, демонстрирует северный путь. Словом *kuadie* (карел.) / *kaatio* (фин.) в карельском языке и возникших на его основе восточных финских говорах называют подштанники, иногда ляжки. Ареал тянется из Приладожья по путям карельской экспансии в Поморье и оттуда затем на устье Онеги, Двины и Пинеги, где представлены такие русифицированные варианты, как озера *Кадье, Кадезеро, Квадозеро, Кадья ламба*. Видимо, речь может идти о морском пути. Кстати, поморский ареал демонстрируют и многочисленные лексические карелизмы в русских говорах Архангельской области [Комягина 1994].

Другой путь – Обонежский, выходящий по внутренним водным путям через Онежское озеро в Заволочье. Он подтверждается, к примеру, ареалом карельской топоосновы *Jylmäkkä-* карел. *jylmäkkä* 'гора с крутыми склонами'). Он наиболее плотен, насыщен в северном Приладожье, по мере продвижения на восток он редет, но доходит до р. Онеги.

Исследования последнего времени надежно доказывают, что вместе с карельскими переселенцами на восток оттягивалось и некоторое количество этнически финского населения. Об этом свидетельствуют топонимы с основой *Ruotsi-* букв. 'швед, шведский', но для карелов она одновременно обозначала и финское население, подданных Шведского королевства. Эти названия представлены вдоль основных путей карельской экспансии, подтверждая тем самым, что среди переселенцев были и финны – представители саво. Вопрос о продвижении жителей Саво (саволаксов) на территорию Карелии до сих пор специально не ставился, поскольку в распоряжении исследователей не было надежного дистрибутирующего материала. Исследования в области топонимики предоставляют такой материал, показывая, в частности, что топонимы с дифференцирующими саволакскими моделями обнаруживаются не только в западных областях Карелии, но и в Поморье? и в небольшом количестве в Обонежье [Кузьмин 2011].

Понятно, что карельская топонимия представляет собой верхний пласт многослойной субстратной топонимии. Ее ареал определен еще не до конца, тем более что произошло ее наложение на более раннюю, в языковом отношении близкородственную, вепсскую топонимию этого региона. В силу значительного тождества двух родственных топосистем их идентификация, особенно в условиях русской адаптации, вызывает сложности. Тем не менее, усилиями как карельских, так и работающих в области субстратной севернорусской топонимии исследователей к настоящему времени выявлены некоторые маркеры, позволяющие это делать.

Исследования в области вепсской топонимии доказывают, что она представлена далеко за пределами ареала современного вепсского расселения и реконструирует, таким образом, историческую вепсскую этническую территорию, которая занимала область с центром в Обонежье. Ранний этап, конец I тыс. н. э. в формировании вепсской этнической территории был привязан, судя по известным археологическим памятникам – курганам, к нижней, приустьевой части рек Юго-Восточного Приладожья. Одновременно, однако, уже намечались основные направления дальнейшего освоения территории – Обонежье и Белозерье. Археологически он маркирован памятниками приладожской курганной культуры рубежа I–II тыс.

н. э. При этом археологический ареал накладывается на ареал одной показательной топонимной модели, и это обстоятельство позволяет уточнить границы первоначальной вепсской территории. Имеются в виду названия поселений с формантом *-l*, который в ходе русской адаптации преобразовался в *-ичи / -ицы*: *Karhil – Каргиничи*, *Reboil – Ребовичи*, *Terl – Тервиничи*, *Hamaral – Гоморовичи*, *Vingl – Винницы* и др. Это названия своеобразных вепсских «родовых» деревень, центров, откуда происходило затем вторичное заселение территории. Два топонима этой модели – «в Тервиничех» и «у Вьюнице» – упомянуты уже в XIII веке в приписке к Уставу Святослава Ольговича – самом раннем из известных науке документов по территории вепсского Присвирья. Важно, что данная топонимная модель маркирует земледельческий тип поселений.

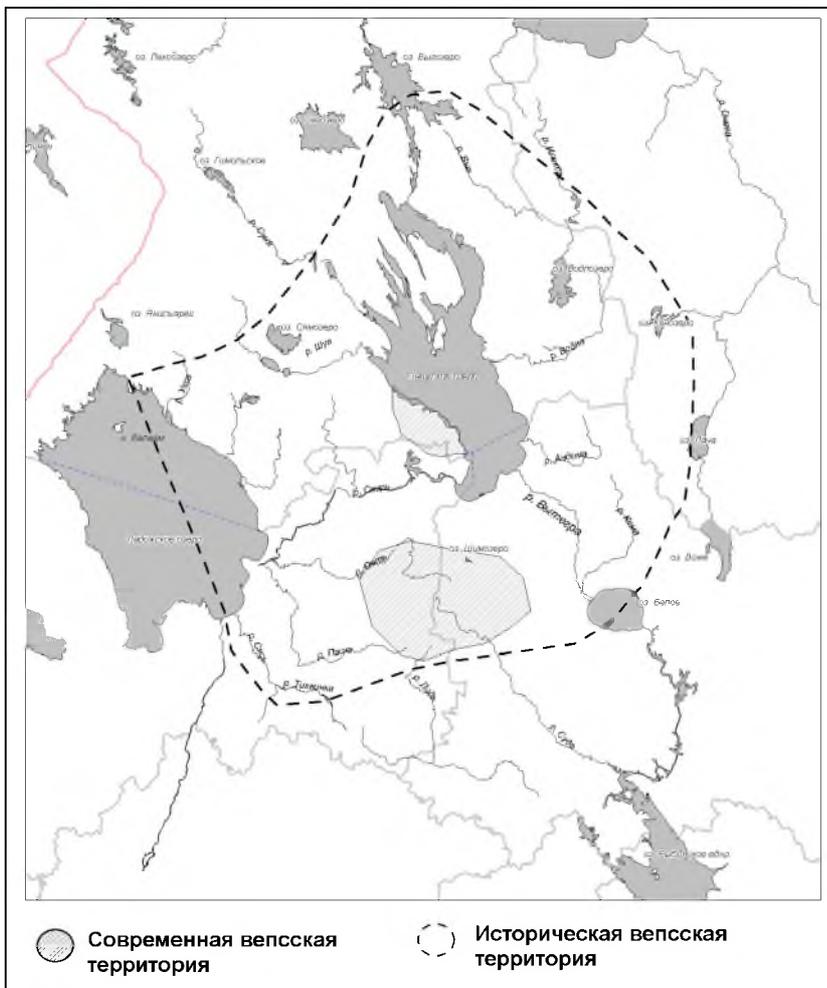

Рис. 1.

Историческая вепсская территория, реконструированная по данным дифференцирующих вепсских топонимных моделей

менным источникам. Восточная граница исторической вепсской территории, судя по топонимическим материалам, проходила в восточном Поонежье, с выходом из верхнего Поонежья, от озера Лача, к Белому озеру. Ее формирование обусловлено, конечно, древнерусским продвижением в Белозерье и далее через транзитный Ухтомский волок к верховьям реки Онеги и затем вниз по Онеге в Поморье. Оно подпирало с юго-востока вепсское продвижение и препятствовало его распространению в бассейн Онеги и Белого озера (Рис. 1).

Другой новый для вепсологии вывод, вытекающий из ареального анализа вепсской топонимии, касается экономических предпосылок освоения вепсами северных территорий. Традиционно на основе анализа археологических материалов считалось, что вепсское продвижение на север Обонежья было продиктовано промысловым освоением. Однако картографирование вепсских топонимов не вполне подтверждает этот вывод. Оказалось, что из

Дальнейшее освоение вепсами территории и границы этого продвижения в Обонежье с выходом на Онежско-Беломорский водораздел на севере, западные притоки реки Онеги на востоке и северное Белозерье на юге также реконструируются по данным топонимии [Муллонен 2012]. При этом оказалось, что границы вепсских топонимных ареалов коррелируют с границами Обонежской пятины – исторического административного подразделения, образовавшегося в XV веке в связи с присоединением новгородских земель к Москве. Это обстоятельство позволяет предполагать, что указанная административная единица объединяла земли с вепским населением. Иначе говоря, административные подразделения, существовавшие на территории средневековой Карелии, могли носить этнический характер. Топонимический материал позволяет увидеть то, что невозможно проследить по письменным источникам.

карты в карту северная граница вепских топонимных ареалов пересекает центральную Карелию и проходит от северо-западного угла Ладожского озера на западе к Выгозеру на востоке, т. е. по северной границе Онежско-Ладожского водораздела. Почему вепсы в своем продвижении на север остановились тут и не пошли дальше на север? Ответ, видимо, заключается в том, что северный предел исторического вепского этнического ареала, маркированного дистрибутивными вепскими топонимными моделями, повторяет очертания северной границы зоны среднетаежных сосновых лесов, а также южной климатической зоны. Иначе говоря, вепское расселение на север определялось, видимо, ландшафтно-географическими и климатическими факторами, что связано не столько с промысловым, сколько с сельскохозяйственным характером освоения средневековыми вепсами северных территорий. Природная граница оказывается и культурной, отделяющей территорию, наиболее благоприятную для ведения земледелия в северных условиях, от районов, где таковое малоэффективно. Сельскохозяйственный, а не промысловый характер культуры сформировал северную границу вепской территории.

Если верхние пласты субстратной топонимии территории обследования – карельский и предшествовавший ему вепский – при всех имеющихся вопросах все-таки интерпретируются в целом однозначно, то анализ предшествовавших им пластов наталкивается на значительные сложности. Установление того особого языкового типа, а вернее, тех особых языковых типов, которые бытовали на Русском Севере – это сейчас самая актуальная задача в области субстратной топонимии этого региона. Вопросы, поставленные уже первыми исследователями Европейского севера России (Русского Севера), остаются по-прежнему актуальными: с каким дославянским населением соприкоснулись новгородцы, продвигаясь на восток по транзитным водно-волоковым путям, на каком языке говорила заволочская чуждь, можно ли отождествлять весь с вепсами, или как далеко на юг распространялись в прошлом саамы? На эти вопросы современные исследователи отвечают по-разному. Однако при всем разнообразии подходов в них всех есть общее – констатация некоего языкового состояния, для интерпретации которого необходимо привлечь данные родственных, территориально смежных финно-угорских языков. Благодаря исследованиям А. К. Матвеева широкое распространение получила саамская теория, в соответствии с которой обширные пространства на Европейском севере – от Скандинавии на западе до Урала на востоке – были населены предками современных саамов. Она основана на широком бытовании здесь топооснов, этимологизирующихся из саамского языка. Однако исследования последнего времени свидетельствуют о том, что поиски саамского наследия должны быть сопряжены с решением проблемы этногенеза саамов. Известно, что в саамском языке существует два принципиально важных пласта лексики: финно-угорский, единый с прибалтийско-финскими (и в целом финно-угорскими) языками, и субстратный, истоки которого затемнены. В последнее время он определяется многими исследователями как палеоевропейский [Aikiö 2012]. Иначе говоря, саамские и прибалтийско-финские языки восходят к единым праязыковым истокам, однако в саамских, в отличие от прибалтийско-финских, присутствует субстратный элемент – языковое наследие того автохтонного населения, которое было поглощено финно-угорскими переселенцами в ходе продвижения на север. В связи с этим показательно, что картографирование выявило важную закономерность в ареальной дистрибуции саамских топооснов. Оказалось, что ареал топонимных основ, восходящих к общему прибалтийско-финско-саамскому наследию, значительно смещен на юго-восток на фоне ареала топооснов, в которых представлена саамская лексика, не имеющая параллелей в прибалтийско-финских и вообще финно-угорских языках. На эту особенность обратил внимание финский исследователь Янне Саарикиви [Saarikivi 2004].

Очевидно, за этим ареальным членением стоят разные этапы древней саамской этноязыковой истории. Не исключено, что ареал субстратной топоосновы отражает былую территорию бытования палеоевропейского субстрата, подвергшегося финно-угорскому языковому воздействию, сформировавшему в итоге саамский язык. Иначе говоря, саамский язык понимается как образование, возникшее на территории Карелии, с юго-восточной границей в

Обонежье, в результате наложения финно-угорского языкового типа (фин. varhaiskantasuomi, англ. Proto-Finnic) на субстратный. В этом случае встает вопрос о правомерности отнесения к сугубо саамскому наследию той финно-угорской топонимии на территории современной Архангельской области, которая традиционно интерпретируется как саамская. Видимо, речь должна идти не о собственно саамском, а о квази-саамском, т. е. древнем финно-угорском языковом наследии, едином для прибалтийско-финских и саамских языков, которое на более западных территориях преобразовалось в результате поглощения субстратного языкового элемента в прасаамский язык. Ареальное членение, выявленное на примере двух саамских типов, подтверждается и территорией распространения других саамских топооснов. Оно, что немаловажно, позволяет скорректировать и сблизить позиции археологии и языкознания на этническую историю саамов. Сейчас они значительно расходятся, в частности, в представлениях об этнической саамской территории.

По мере накопления новых материалов о дославянском этноязыковом ландшафте Русского Севера становится понятным, что на этой обширной территории проживали разные финно-угорские в языковом отношении коллективы, занимавшие промежуточное положение между пермскими, волжскими и прибалтийско-финско-саамскими языками. При этом топонимия в силу обозначенных выше причин рассматривается в качестве основного источника реконструкции языковой ситуации региона в I тысячелетии н. э. Ведется поиск топооснов и формантов, дистрибутирующих разные языковые коллективы, выявление т. н. бинарной оппозиции, когда в одном значении использованы разные топоосновы. Примером такой бинарной оппозиции, позволяющей говорить о границе двух этнических ареалов в Белозерье, может служить ареальное противостояние топонимных элементов *-солово* и *-сарь*, использующихся активно в названиях островков на болоте. За первым стоит, очевидно, древний ландшафтный термин, выступающий в ряде прибалтийско-финских языков (финские говоры *salo*, эстонский *salu*), а также в саамском (*suolo* < **sōlōj*) в значении 'остров, в том числе на болоте' [SSA]: *Чёлсолово, Карсолово, Кейбосолово, Шаньшолово*. При этом с позиций фонетического облика он не может быть интерпретирован как прибалтийско-финский. Ареал топонимов с элементом *-соло(во)* тянется от Суды на восток к Белому озеру. Кроме того, к востоку от Белого озера обнаруживается еще два более компактных очага этой модели – в районе оз. Воже и верховьях реки Моши на западе Архангельской области. Существенно важно в этой ситуации, что севернее в той же функции используется элемент *-сарь*, имеющий явные вепские корни (ср. вепс. *sar* 'остров'): *Сосарь* 'болотный остров', *Койсарь* 'березовый остров', *Персарь* 'задний остров'. Граница, разделяющая две названные модели – вепскую и финно-угорскую, более конкретные истоки которой не определяются, проходит от северного берега Белого озера к оз. Воже. Знаменательно, что эту же границу повторяют ареалы некоторых других финно-угорских в широком плане топооснов. Данный белозерский (в широком плане) ареал в комплексе с этимологической трактовкой термина, а также выявленной ареальной оппозицией *-сарь* и *-солово* позволяет предполагать в *-солово* языковое наследие древнего невепского населения данной территории.

Наука постепенно продвигается в понимании происходивших на севере процессов и в этимологической интерпретации отдельных топонимов. К примеру, расшифрованы истоки давно дискутировавшейся в топонимических исследованиях топоосновы *ухт-*, воплотившейся в названиях многих десятков больших и малых рек на Европейском севере России (*Ухта, Ухтама, Ухтенжа, Уфтуга, Ухтынгирь* и многие другие). Убедительно доказано, что она привязывается всякий раз к волокам и, таким образом, восходит к финно-угорской лексеме **ukti* 'перешеек, волок' [Saarikivi 2006: 38, Муллонен 2002: 208–215]. Финский исследователь П. Рахконен предлагает для основы более конкретные меряно-муромские истоки, опираясь на ее ареал, тянущийся от Верхневолжья на юго-востоке до карельского Поморья и северной оконечности Ботнического залива Балтийского моря на северо-западе [Rahkonen 2013]. Парадоксально, что столь важный культурный термин оказался утраченным большинством живых финно-угорских языков, сохранившись лишь в далеких угорских языках. Однако методы исторической фонетики позволяют реконструировать его с безупречностью, а до-

казательством истинности реконструкции служат как раз речные наименования, привязанные к местам прохождения древних волоков. Достаточно вспомнить знаменитый Ухтомский волок между двумя Ухтомами в восточном Белозерье или менее знаменитый, но от этого не менее важный для местных жителей волок между заливами Унская губа и губа Ухта на Онежском полуострове в Поморье, позволявший пересечь полуостров по суше в самой узкой его части. В Карелии знаменитое село Ухта, переименованное в середине XX века в Калевалу, расположено в устье одноименной реки, которая в нижнем течении делает довольно крутое колено, при этом продвижение здесь осложнено несколькими порогами. Чтобы спрямить путь и миновать пороги, путники, продвигавшиеся вниз по реке, высаживались из лодок выше порогов и, преодолев пешком путь в несколько км (= сухопутный волок), выходили на берег Куйто, где могли продолжить путь по воде в другой лодке. Расшифровка топоосновы несет и важное историко-культурное содержание, поскольку реконструирует древние, еще дославянского времени, водно-волоковые пути на территории Европейского севера.

Удалось выявить, что, с точки зрения финно-угорских насельников, многочисленные реки с названиями *Пеленга*, *Пелекса*, *Пилежма*, *Пильма*, *Пяльма*, *Пележма*, *Пелега* и другие реки, в названиях которых присутствует корень Пел- / Пил- / Пял- (ср. фин.-угор. **pēle* ‘край, бок, сторона’), осознавались как ‘боковые’, например, по отношению к более крупной реке, притоками которой они являются [Матвеев 2007: 118, Муллонен 2012: 175–180]. Эти топонимы трудно привязать к какому-то конкретному финно-угорскому языку. Судя по широкому ареалу, слово присутствовало в языках многих этноязыковых коллективов, населявших в прошлом область Русского Севера и смежные с ним территории. Оно являлось в них общим праязыковым наследием. Сложность же расшифровки связана вновь с тем, что древняя лексема утратила в большинстве финно-угорских языков исходную примарную семантику, которая трансформировалась в целый спектр значений, невостребованных или мало востребованных в топонимии.

Доказано, что название *Онежское озеро* на языке древних обитателей края значило ‘большое’, и в нем закрепилось финно-угорское прилагательное **enä* ‘большой’, при этом, скорее, в том фонетическом виде, в котором оно реконструируется для прасаамского языкового состояния: **enē*. Подробная цепочка фонетических преобразований в ходе усвоения древнего топонима сначала в вепсский (*Änine: Äniž-*), а затем в русский (*Онеж-*) приведена в [Муллонен 2002: 271–282].

Наименование еще одного крупного озера на Русском Севере – *Кубенского* – видимо, содержит в основе финно-угорское прилагательное **kuwa* ‘длинный’, которое адекватно отражает форму этого узкого и длинного озера.

Однако многочисленные субстратные топонимы остаются по-прежнему нерасшифрованными, что связано с исключительной сложностью задачи с большим количеством неизвестных. Для ее решения необходим учет типологии номинации, данных исторического языкознания, процессов поэтапного языкового контактирования. Один из важных инструментов – это анализ маркерных топооснов, типовых для топонимии, а поэтому повторяющихся неоднократно и формирующих ареалы, которые могут быть подвергнуты этноязыковой интерпретации. При этом есть понимание того, что топонимия – наиболее системный, а поэтому и наиболее достоверный источник по языку и древней этнокультурной истории края.

Литература и источники

Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994.

Кочуркина С. И. Этническая карта и территориально-административные границы Карелии на рубеже I–II тыс. н. э. (новгородское время) // Труды Карельского научного центра РАН. № 4. Серия «Гуманитарные исследования». Вып. 3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. С. 3–12.

Кузьмин Д. В. Наследие саволаксов в топонимии Карелии // Труды КарНЦ РАН. № 6. Серия «Гуманитарные исследования». Вып. 2. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. С. 45–56.

Матвеев А. К. Методы топонимических исследований. Екатеринбург, 1986.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I–III. Екатеринбург, 2001–2007.

Муллерен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Муллерен И. И. География на службе топонимики: две прибалтийско-финские топонимические основы с «боковой» семантикой // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 2012. С. 170–180.

Муллерен И. И. Природные и культурные факторы формирования вепсской этнической территории // Труды Карельского научного центра РАН. № 4. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. С. 13–24.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Материалы по истории Карельской АССР. Ленинград, 1930.

Aikio A. An essay on Saami ethnolinguistic prehistory // A Linguistic Map of Prehistoric Northern Europe. Ed. By Riho Grünthal & Petri Kallio. SUST 266. Helsinki, 2012. P. 63–118.

Kuzmin D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki, 2014.

Rahkonen P. Souty Eastern Contact Area of Finnic languages in the Light of Onomastics. Jyväskylä, 2013.

Saarikivi J. Über die samischen Substratennamen des Nordrusslands und Finnlands // Finnisch-Ugrische Forschungen 58. Helsinki, 2004. P. 162–234.

Saarikivi J. Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian substrate in northern Russian dialects. Tartu, 2006.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.

Сергей Алексеевич Мызников

*Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург*

ВЕПСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ДАННЫЕ: ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ*

Данная работа является продолжением исследования вепсского лексикона в лингво-географическом и этимологическом аспектах [Мызников 2015: 189–191]. В работе используется опыт и материалы полевой работы над проектом «Лингвистический атлас вепсского языка» [Зайцева, Муллерен, Мызников 2012], а также данные «Словаря вепсского языка», «Suomen kielen etymologinen sanakirja». Если обратиться к «Словарю вепсского языка», то можно обнаружить, что в нем зафиксированы обширные южновепские материалы, например, с географической пометой Радогощь – 101 лексическая единица, Сидорово – 1208, Кортлахта – 680 слов. Причем в «Suomen kielen etymologinen sanakirja» также представлено немало единиц с диалектной вепсской локализацией, при общем числе ссылок на вепские материалы – около 3 тысяч. По томам словаря эти данные распределяются следующим образом:

1-й том – 14 единиц южн. диал., 16 сев. диал. (408 вепских лексем всего);

2-й том – 2 южн., 18 сев. (всего 475);

3-й – 16 южн., 110 сев. (всего – 372);

4-й том – 39 южн. 211 сев. (всего – 915);

5-й – 17 южн., 102 сев. (всего – 348);

6-й – 20 южн., 68 сев. (всего 418).

В данной статье предложены некоторые аспекты ареального и этимологического анализа вепсской лексики с дифференциацией ее (по возможности) по диалектам.

1. Имеется ряд данных, когда при общеприбалтийско-финском характере лексемы

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-04-00063.